

**Петр Сопин
Татьяна Сопина**

**МАЛЬЧИК
С “ОГНЕННОЙ”
ДУГИ**

Исторический очерк

Вологда
2006

Изучать историю Великой Отечественной войны по стихам – занятие не самое благодарное. Поэзия вообще едва ли должна претендовать на историческую достоверность. Однако в данном случае имеется объем информации, достаточный для того, чтобы попытаться связать документы эпохи и художественное творчество. В стихах поэта Михаила Сопина, по детству которого прошелся огненный вал Курской битвы, неоднократно упоминаются места событий, есть точные указания на времена года, даты... При подготовке этого очерка мы использовали фрагменты из интервью с Михаилом Сопиным, радиозаписи.

Стоит заметить, что сам поэт специальной литературой не пользовался никогда.

И тут мы встречаемся с интересным фактом: оказывается, не только свидетельства очевидцев могут быть источником исторической достоверности, но по документам истории можно восстанавливать биографию человека. Дело в том, что о ранних годах поэта известно мало, документально – практически ничего. Первое и единственное упоминание о месте рождения читаем в справке об освобождении после 15-летнего заключения разнорабочего Сопина Михаила Николаевича: «Время, место рождения – 12. 08. 1931 г., с. Ломное, Грайворонского района Курской области» (ныне это Белгородская область).

Отец мальчика, испытатель танков, погиб до войны. Мать работала на Харьковском танковом заводе токарем, бабушка продолжала жить в Ломном, а дети - Миша, старшая сестра Катерина и младший брат Толик - попеременно у матери и бабушки.

А дальше можно читать стихи.

Мне шел одиннадцатый год.
И не моя вина,
Что не дошел он – что его
Обогнала война...

Не виноват, что нет тебя –
Мое родное захолустье.
Ты знаешь, я из тех ребят,
О ком темнело небо грустью.
Ты помнишь плачущих навзрыд.

Пришла беда - ворота настежь.
 Я шел в ненастье той поры,
 Когда земля была в несчастье
 С коротким именем - война.
 И я под бомбами, за мамой
 Кричал в пространство:
 «Отче наш!»
 Но Отче изгнан был из храма.
 Ползли не русские кресты.
 Глотали танки жизнь и версты...

Вспоминает Михаил Сопин:

«Мы не успели эвакуироваться, помню, собирались ехать в каком-то эшелоне, а в тылу нашем уже были немцы. Бежали из-под Харькова, в одной массе – солдаты, дети, старики, женщины... Это был какой-то бег исхода. Если бы нас остановили, мы, наверное, умерли бы на месте. До сих пор не верю, что выжил... Немцы нас нагнали. Разорванные, раздавленные дети, их утожили танками. Меня ранило осколком в голову, спас какой-то военный – замотал голову тряпкой и пихнул в районе Богодухова в товарный вагон, я там валялся на опилках весь в крови. Растолкала старушка, снова мы куда-то шли. Снова я в скоплении народа. Помню, уперлись в реку: горел мост и солдаты наспех сколачивали плоты. На них люди прыгали вместе с детьми, плоты переворачивались. И все это под бомбежкой...»

...Но в пыли и в дыму Лозовая
 И себя не узнать сквозь бинты.
 Подмените меня, замените!
 Поезда на горящих путях.
 В поднебесье
 Разрывы зениток,
 Словно белые шапки, летят.
 Жгут стопы
 Раскаленные сходни.
 Дальше - поздно.
 За насыпью пост.
 И горит меж былым и сегодня
 Перебитыми крыльями мост.

Добраться до Ломного Мише все же удалось. Курщина тогда казалась более безопасной, но ненадолго. Начались артобстрелы, незащищенным небом полностью владел противник. _

«Когда начинались налеты, мы с Катериной бежали прятаться в погреб. Бомбежки продолжались по трое-четверо суток... Я был в зачумленном состоянии. Когда сутками напролет бомбят, перестаешь испытывать страх за жизнь – безразличие полное. В

таком состоянии солдаты, измотанные, спят прямо в окопах. Сейчас это совершенно не может быть понято... Скорее бы бомба попала, кончились муки».

Бабушкин дом стоял на краю села.

« У нас во дворе частями Красной Армии были прорыты профильные окопы, потом брошены. Окопы ошибочно выкопали перед избой, а дом таким образом оказался на линии огня. Начались тяжелейшие бои. Однажды во двор заскочили двое молоденьких солдатиков и прямо перед окнами стали устанавливать пулемет, но никак не могли его заправить. Бабушка выскочила с поленом: «Куда ставите, сейчас начнут бить по хате, а здесь дети малые!» Велела тащить пулемет на угол двора и там сама заправила пулеметную ленту».

А теперь прочитаем поразительное по точности описания стихотворение:

...За сто шагов до поворота,
Где Ворскла делает дугу,
Далекой осенью
Пехота
С землей
Смешалась на бегу.
И стала тихой и свободной,
Уйдя в прилужья и поля
Сырой земли
С преградой водной
У деревеньки Тополя.
Подбило память серой льдиной.
Здесь не хозяин я, не гость.
За все-про все земли родимой,
Моей земли досталась горсть.

По карте от Ломного до деревни Тополя – около четырех километров, там же можно увидеть «петельку» реки Ворсклы. О какой пехоте может идти речь? Возможно, о белгородско-курских ополченцах сорок первого года, зачастую обреченных на гибель. По данным кандидата исторических наук И.Г. Гришкова, один из таких полков располагал 115 винтовками, 480 ручными и противотанковыми гранатами, 810 самодельными гранатами и бутылками с зажигательной смесью. И эти формирования противостояли самой боеспособной на тот момент армии Европы!

Без слов, без гранат, без атаки,
Вслепую – какая там связь! –
Бежали под бомбы, под танки,
Российской землей становясь...

А может, это были регулярные части Красной армии, о которых пишет историк Н.Г. Маслов («Борисовский район в 41-43 военные годы». М., 1975 г.):

«30 сентября 41 г. немецкие войска перешли в наступление на Харьковском и Белгородском направлении. Войска 40, 20, 38 армий Юго-Западного фронта несли большие потери еще в боях за Киев и нуждались в пополнении. Уже к середине октября немцы вплотную подошли к территории Борисовского района с трех сторон: с запада, юго-запада и юга. На этих рубежах разгорелись ожесточенные бои, в результате которых часть наших войск оказалась в окружении. В этот сложный период в Борисовке был сформирован из работников райвоенкомата и добровольцев отряд народного ополчения, который возглавил военный комиссар Н.Л. Степаненко. Бойцы этого отряда храбро сражались на одном из участков обороны 38 армии возле Грайворона. Часть из них погибла в окружении, но многие вырывались из вражеских клещей».

В пилотке со звездой зеленой,
В х/б, каленом добела,
Я полз и плакал, в жизнь влюбленный,
По роще, прахом запыленной,
Где рота смертная легла...

Дважды Миша, как он уточнял, «по приказу моей бабушки Исаевой Натальи Степановны, деревенской маршалюги», выводил из окружения бойцов Красной Армии. Сызмальства облазившие все окрестности и прекрасно в них ориентирующиеся мальчишки были лучшими проводниками.

«Между Ново-Борисовкой и Хотмыжском, - продолжал Михаил, - были двойные-тройные переходы наших и немецких войск. Подолгу лежали волдыреобразные тела советских солдат, подступы к Ломному были усеяны ими. Если не воевать, находясь в полосе действующей армии, все равно будешь что-то делать. Не один я, не одна моя бабушка... масса женщин, оставшихся солдатками - вытаскивали раненых с поля боя. Никаких справок не брали про запас, думая, что они когда-то пригодятся...»

Для чего и зачем
Из сегодня,
Спотыкаясь
О память и явь,
Я бегу под горящую Готню
По разбитым
Осенним полям?
Через смерть,

Через сжавшийся ужас...
 Может, где-то не все сожжено?
 Может, снова кому-то я нужен
 С индпакетом,
 С краюхой ржаной...

.....
 Поле, поле...
 Поле не пустое.
 Я до самой смерти пронесу:
 Жители, спешившие на стоны,
 Псов голодных видели в лесу.

.....
 Слепой, истошный вопль в овсе -
 Шли танки с трех сторон,
 Давили, били, рвали всех
 Без всяких похорон.
 На равных
 Бой
 И крик - ура!
 Багряный след в овсе...
 И насмерть бил, как били все.
 И пропадал - как все.
 Стреляю. Плачу. Кровь в зрачок.
 Бью в башни, по крестам.
 Но под разьездом Казачок -
 От пули в бок
 Устал.
 Устал... Усталости конец -
 Убитых братьев зов.
 И пил в одиннадцать сырец
 С багровою слезой.

И без того сложную ситуацию, в которой оказалась Красная Армия, усугубили начавшиеся в октябре сорок первого затяжные дожди.

Из воспоминаний танкиста А.В. Егорова («В боях под Белгородом»):

«Трое суток не переставая лил дождь, дороги превратились в непроходимое месиво из густой грязи. Реки вышли из берегов. Из-за снесенных ими мостов образовались огромные пробки. Все дороги к Белгороду были забиты тылами армии: складами, ремонтными базами, госпиталями...»

Описание этих дождей у Сопина встречается неоднократно:

...Дождь сорок первого года
Падает в душу мою...

...Дым над осенью,
Резкий и синий.
Едкой гарью
Октябрь напоен.
Дым. И дождь
По военной России,
Проникающий в сердце мое.
Дождь:
По горьким солдатским усмешкам,
По глазам,
По стальному стволу.
Догорают избы головешки.
А над полем – кувшин на колу...
Кони. Кони.
Блестят, как тюлени.
Где-то справа машины гудят.
Прикрываю руками колени,
Меж лопаток –
Мурашки дождя...

Из баллады «Ванюха»:

...Но я уже нюхал
От Харькова собственным брюхом,
Буксуя в грязище
С пробойной на голове.

Немцы сравнительно легко прошли на Воронеж... А здесь на год с лишним воцарился оккупационный режим. По рассказам Михаила, вернулось нечто похожее на царский строй, открылись церкви. Для детей это было диковинно. Показательно, что уже тогда местное население, в течение долгих месяцев тесно общаясь с немцами, различало истинное лицо врага и воюющих в силу обстоятельств. Михаил рассказывал, что от чесотки его лечил немец, давал вонючую мазь (видимо, дегтярную). Но вот что интересно – стихов, посвященных этому периоду, у поэта нет совсем.

Михаил переболел тифом.

А вот выписка из политдонесения по Воронежскому фронту («Русский архив», изд. «Терра», 1997 г.): «Многие деревни южнее и юго-западнее Курска поражены сыпняком... Остановливаясь в них на

ночлег и соприкасаясь с местным населением, некоторые бойцы и командиры заболели тифом. В 52-й дивизии вшивость достигала 90 процентов личного состава».

Умер младший братишка Толик, которого Миша очень любил, во время артобстрелов и авианалетов таскал на руках в подвал. А это стихотворение посвящено сверстнице Ирине:

Полстолетья кружится граната волчком.
Ты упала на мерзлую землю ничком,
В сорок третьем, весной,
Меж гранатой и мной.

После победы под Сталинградом Красная Армия развила стремительное наступление, в результате которого уже в феврале 43 года были освобождены отдельные территории Курской области.

«Вслед за Грайвороном и Богодуховым были освобождены Готня, Б. Писаревка, Красная Яруга, Краснополье, Тростянец... Дивизии стремительно продвигались к р. Псел. Но 19 февраля противник перешел в контрнаступление... Танки неприятеля подошли к Грайворону, на южной окраине города завязался тяжелый бой. Грайворон и Б. Писаревка были захвачены врагом. В Головчино, что на полпути между Грайвороном и Б. Писаревкой, был организован противотанковый опорный пункт. Враг упорно пытался овладеть им, но каждый раз откатывался с потерями. Здесь боем непосредственно руководил командир артиллерийской армии полковник И.М. Снегирев. Таранному удару тяжелых немецких танков он противопоставил гибкое и эффективное применение всей имевшейся в районе Головчино артиллерии. Две трети ее И.М. Снегирев, лично возглавлявший расстановку огневых средств, поставил на прямую наводку. Артиллеристы нанесли тяжелый урон танковым частям СС. Здесь смертью храбрых пал полковник И.М. Снегирев... В последующие дни, когда наши части отошли от Головчино, ожесточенные бои развернулись сначала в районе Борисовки, а затем в районе Томаровки... Именно там мы впервые встретились с танками «Тигр» и «Пантера».

(К.С. Москаленко, «На Юго-Западном направлении». Воспоминания командарма. Изд. «Наука», М., 1969 г.)

К сожалению, плохо спланированная операция по освобождению Харькова привела к тому, что немцы перехватили инициативу и сразу около 240 тысяч бойцов Советской Армии оказались в окружении. Только что отвоеванные территории пришлось вновь оставить противнику и в марте-апреле наступило временное затишье. Тем не менее, в ходе зимнего наступления 1942-43 г. в районе Орла, Курска, Харькова сложилась своеобразная обстановка. Здесь образовался огромный выступ, глубоко

вдававшийся в расположение противника. Именно здесь летом 1943 года и произойдет Курская битва. Советское командование решило действовать от обороны, в то время как немцы готовились к грандиозному наступлению.

Историк В. Эрдоурт, ФРГ, пишет: вся наступающая мощь, которую германская армия способна была собрать, была брошена на осуществление операции «Цитадель».

Нас интересует Воронежский фронт, отражающий удары на южном фланге дуги..

«С немецкой стороны здесь наступала 4-я танковая армия и оперативная группировка «Кемпф», входившие в группу армий «Юг» под общим руководством генерал-фельдмаршала Э. Манштейна. Эти ударные группировки имели 6 пехотных, 8 танковых и одну моторизованную дивизию, всего до 280 тысяч человек, около 4 тысяч орудий и минометов, 1559 танков, в т. ч. 337 танков «Тигр» и 253 орудия «Фердинанд» (К.С. Москаленко, «Битва на Курской дуге». М., 1975).

Летят дымы и вьюги на Воронеж.
Над Харьковщиной - тучи воронья.
Зачем ты, память,
Боль души хоронишь,
Во мне, живом, бывшее хороня?

Из донесения старшего офицера при Воронежском фронте (лето 1943 года):

«Противник перед фронтом занимает следующее положение. 1-я линия фронта (167, 332 пехотные дивизии) - на фронте Русская Березовка, Трефиловка, Фастов. Раково, Осколочное - танковая дивизия СС «Мертвая голова». В оперативной глубине, в районе Грайворон, Хотмыжск, Борисовка, Томаровка - танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Райх», «Великая Германия».

Как рассказывал Сопин, танковая дивизия СС «Мертвая голова» одно время стояла у них в деревне. Вероятно, это было во время сосредоточения гитлеровских войск в районе предполагаемого наступления.

Я помню – в зареве костра
Гортанные чужие речи,
Что миром будет править страх,
Сердца и души искалечив...

Однако не менее грандиозными были работы по подготовке обороны наших позиций.

«В июне 43 года на сооружении советских оборонительных рубежей было задействовано до 300 тысяч человек, прорыто 20 тысяч километров траншей, противотанковых рвов, щелей... Общая глубина оборонительных сооружений на отдельных участках достигала 250-300 километров». («Взгляд через полвека», Белгород).

5 июля 1943 года началась Великая битва, вошедшая в историю как Битва на Курской дуге. Командовал фронтами представитель Ставки Верховного Главнокомандующего Маршал СССР Г.К. Жуков. О Курской битве написано много, а для тех, кто забыл, напомним.

Р.Я. Малиновский, Маршал СССР:

«Курская битва по ожесточению и упорству борьбы не имеет себе равных. Развернувшиеся в ее ходе потрясающие танковые сражения были непревзойденными как по количеству участвовавших в нем танков, так и по потерям с обеих сторон».

И.С. Конев, Маршал СССР:

«Битва на Курской дуге охватила огромную территорию нынешних Орловской, Брянской, Курской и Белгородской, Сумской, Харьковской и Полтавской областей. ... В развернувшееся сражение было втянуто более 100 немецких дивизий, то есть почти половина находившихся тогда на советско-германском фронте. Подавляющее большинство из них специально готовились для решительного удара.

...50 дней шли упорные бои на земле и в воздухе. За это время обеими сторонами было последовательно введено в сражение 4 млн. человек, более 69 тысяч орудий и минометов, 13,2 тыс. танков и самоходных орудий и до 12 тысяч боевых самолетов. Курская битва характерна небывалыми встречными танковыми сражениями, наиболее крупными в истории Второй мировой войны... в районе Прохоровки, а затем последовал ряд сражений в районе Ахтырки и Богодухова».

Командующий 40-й армией Воронежского фронта К.С.

Москаленко сравнивает три битвы по количеству задействованных в них войск: «Под Москвой было сосредоточено 17 общевойсковых армий. Под Сталинградом - 14 общевойсковых, одна танковая и три воздушных. Под Курском - 22 общевойсковых, 5 танковых, 6 воздушных, причем, эти армии были значительно сильнее».

По свидетельству очевидцев, орудия раскалялись до такой степени, что на них обгорала краска. Из письма рядового разведчика М. Ляхова: «Что я видел за это время, трудно даже представить. Живешь буквально минутами. Сейчас живешь, а что будет через несколько минут - не знаешь».

Медленно падает в землю крестом колоколя.
 Падает вечность на белые лица солдат.
 Огненным было в том августе небо и поле.
 Красные травы. И красного цвета вода.
 ... И в сегодняшнем мире великом
 Я задохнусь давним августом в красной пыли
 И закричу, раздираемый сотнями криков
 Тех, что живыми сквозь август пройти не смогли.
 (Из стихотворения М. Сопина «Август»).

В воспоминаниях Г.К. Жукова читаем:
 «Воронежский фронт... силами 546 гвардейской армии, 5
 гвардейской и 1 танковой армии наносил главный удар в общем
 направлении на Ахтырку. Правее переходила в наступление 40, 38
 армии в общем направлении на Грайворон и далее на Тростянец».

...Это я,
 Твое имя,
 Пропавшее без вести
 Эхо,
 Перекатная голь,
 Беспризорное детство твое.
 И туда обернусь,
 И сюда погляжу:
 Кто ты? Где ты?
 Я же сам очевидец:
 Ты убито...
 Ахтырка... Бои...
 А на темном стекле
 Обнаженно,
 До резкого света:
 Ирреальная явь,
 Темно-красные слезы мои.

(Заметьте: автор делает себя очевидцем не боя, а убитого детства. Детство убито этими боями. В стихах упоминаются любимые с детства Головчанские леса, Хотмыжск, село Ведилино, Красная Яруга, Русская Лозовая, Грайворон...)

«В начале августа, - пишет Р.Я. Малиновский, - в ходе Томаровско-Борисовской операции в районе Борисовки, Хотмыжска, Головчино была окружена крупная группировка немецких войск. Все утро и весь день здесь шел самый жестокий и кровопролитный бой за всю операцию по освобождению Борисовского района».

Начало баллады Сопина «Ванюха» звучит так:

Бои под Борисовкой.
Танки все в мареве белом
Кует немчура
В броневые листы скакуна...

А вот то, чего не встретишь в официальном источнике. В балладе рассказывается, как автор встретил участника боев в районе Борисовки, бывшего донецкого шахтера и командира взвода Ивана Гуртового на этапе по пути в Соликамские лагеря.

И бывшему взводному снится:
Громят эшелоны,
Штрафрота, атака,
По ноздри в кровавой воде...

Иван Гуртовой – реальное лицо. Впоследствии он будет переправлен в Карагандинские лагеря, где исчезнет бесследно. Написанная в семидесятых годах баллада посвящена его памяти. Позднее эта тема станет для поэта одной из главных, вылившись в монументальное:

Идут через Норильские ухабы
В безмолвное ничто издалека
Последние солдатские этапы,
Безвестные советские зека.

О потерях в ходе Курской битвы сообщает «Русский архив». За 50 дней сражений безвозвратные потери составили 250 тысяч человек (в среднем пять тысяч в сутки), 500 тысяч раненых (десять тысяч в сутки). Только в ходе оборонительной операции (4-22 июля 43 года) Воронежский фронт потерял убитыми - 18097, ранеными - 47272, без вести пропавшими - 24851.

В воронках, у стенки,
Во рвах, на холмах, у рябинки –
По отчету краю
Без вас не отыщешь версты:
Могилы забвенья,
Фанерные звездочки, бирки,
Крест-накрест березы
И русские в поле кресты.
Я ветры прошу,
Ребятишкам шепчу:

«Осторожно
 Касайтесь камней,
 Чернобокой ракиты и трав!
 Здесь – думы страны,
 Без чего вам прожить невозможно.
 Взывающий к миру,
 Глаза застилает мне прах...»

О мощи минных заграждений и бомбовых атак можно судить по цифрам, приведенным в сборнике «Во имя Победы» («Белгородчина в годы Великой Отечественной войны». Документы и факты. Белгород, 2000 г.). С 5 по 15 сентября 1944 года с площади 50,2 тысячи га было снято 28135 мин, 73777 не разорвавшихся авиабомб и другие боеприпасы. Не разорвавшихся! А сколько разорвалось?

В «Истории Великой Отечественной войны в документах и судьбах. По материалам Курской битвы», изданной в 1995 году, читаем: «По неполным данным, найдено за последние годы более 50 тысяч человек в безымянных захоронениях (траншеи, землянки, доты и дзоты, окопы, воронки от бомб и снарядов), числившихся без вести пропавшими».

Впечатления этих лет будут преследовать поэта всю жизнь.

...Я умру за Россию.
 Под Орлом ли,
 Под Оршей,
 В Тагиле -
 Я дышал для нее!
 Напряженно и яростно жил!
 Схороните меня,
 Как положено,
 В братской могиле,
 Чтоб июльское поле
 Мне звенело колосьями ржи.
 1983 г.

Полвека снятся сны о битвах
 Степных, метельных, дождевых...
 Что я живой
 Среди убитых
 И неживой -
 Среди живых.
 И тягостно от лжепричастья
 Словес:

«Никто не позабыт!»
 Кричу,
 Но мне не докричаться:
 Кровавым грунтом
 Рот забит.
 И слышу без вести пропавших,
 Их мысли шепчут ковыли:
 Ответь, что там за жизнь
 У близких наших?
 Скажи,
 Не зря мы полегли?..
 И я броском -
 Назад от даты,
 Туда,
 Сквозь грязь,
 По гужевым,
 Где примут исповедь
 Солдаты
 И нарекут
 Меня
 Живым.
 1995 г.

Позицию свою поэт определил еще в начале войны:

...Всех теперь в отряды,
 Всех война свела.
 И бегу я рядом
 До конца села -
 Был в солдатских валенках,
 Ростом не по мне.
 ... Я остался маленьким
 Где-то на войне.

Десятилетний мальчик, как видно, дальше края села не ушел. А после Курской битвы это случилось. С армией К.С. Москаленко Михаил Сопин дошел до Потсдама.

Петр Сопин
Татьяна Сопина

**Мальчик
с “Огненной” дуги**

Исторический очерк

Объем 16 страниц
Формат 148x210
Тираж свободный

Вологда,
“Свеча”
2006

[25 ф.]